

УДК 343.131

DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-211-217

Рябков Евгений Маркович
Eugene M. Ryabkov

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), associate professor, professor of the department of professional activity of employees of economic security units

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: evg.ryabkov@mail.ru

К вопросу о сложности процедуры и реальности домашнего ареста как меры пресечения

On the complexity of the procedure and the reality of house arrest as a preventive measure

В статье рассматриваются отдельные аспекты применения меры пресечения — домашнего ареста. Анализируется количество ее применения в соотношении с массивом совершаемых и расследуемых преступлений, в том числе экономической направленности, отмечается специфический статус субъектов. Обращается внимание на сложность процедуры получения судебного решения и документального оформления осуществления контроля за соблюдением исполнения. В качестве проблем выделяются применение технических средств наблюдения, фиксации выявленных нарушений и результативность мер наказания за них, вопросы смягчения назначенных ограничений и замены на содержание под стражей, использования мер оперативно-разыскного характера для обеспечения реальности исполнения.

Ключевые слова: мера пресечения, содержание под стражей, домашний арест, запрет общения, средства связи, технические средства фиксации, документальное оформление, реальность изоляции.

The article discusses certain aspects of the application for the last several years of preventive measures — house arrest. The quantity of its application is analyzed in relation to the array of crimes committed and investigated, including economic ones, the specific status of the subjects is noted. Attention is drawn to the complexity of the procedure for obtaining a court decision and documenting the enforcement of compliance. The problems highlighted are the use of technical means of monitoring, fixing the revealed violations and the effectiveness of the penalties for them, questions of mitigating the assigned restrictions and replacing them with detention, using operational-search measures to ensure the reality of execution.

Keywords: preventive measure, detention in custody, house arrest, communication prohibition, communications, technical means of fixation, documentation, reality of isolation.

Меры пресечения как вид государственного принуждения к лицам, в отношении которых еще нет итогового судебного решения, являются бесспорными инструментами обеспечения справедливого и обоснованного приговора.

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает семь видов мер пресечения (ст. 98

УПК РФ). Из этого набора только три вида применяются на основании судебного решения: заключение под стражу, залог и домашний арест, поскольку эти меры в наибольшей степени ограничивают конституционные права и свободы граждан.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судами общей

юрисдикции в 2015 году рассмотрено 154 066 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а в 2018 году — 113 141 ходатайство. Также в 2015 году рассмотрено 5 423 ходатайства об избрании домашнего ареста, а в 2018 году уже 7 170 ходатайств [1]. Динамика очевидна: снижается количество решений о заключении под стражу, растет количество решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста.

Судя по статистике возбужденных уголовных дел, очевидно, что в преобладающей массе случаев орган предварительного расследования — как инициатор — выбирает в качестве меры пресечения либо подписку о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ), либо заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ). При этом существует негласное правило о необходимости возбуждения перед судом ходатайства об избрании меры пресечения именно в виде заключения под стражу в отношении обвиняемых в совершении преступлений общеуголовной направленности, начиная с относящихся к категории средней тяжести. Это «правило» обусловлено статистическими показателями общего количества ходатайств о заключении под стражу. Чем больше этих ходатайств, тем лучше. Наличие юридических оснований избрания указанной меры, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (ч. 1 ст. 108 УПК РФ), не имеют решающего значения. Неоспоримой является только ссылка на тяжесть инкриминируемого деяния. Срабатывает логика: если существует возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, то имеются основания полагать, что лицо может скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда [2].

Вместе с тем, масштабное применение меры пресечения в виде содержания под стражей дорого обходится государству и ведет в конечном итоге не к снижению преступности в целом, что в идеале представляется конечной целью деятельности всей правоохранительной системы, а к ее воспроизводству как социального явления и формированию криминальной субкультуры. Европейский суд по правам человека неоднократно указывал на необходимость более широкого использования альтернатив заключению под стражу, а именно: обязанность подозреваемого в правонарушении проживать по определенному адресу, ограничения на выезд или въезд в определенное место без разрешения, предоставление залога или надзор и содействие учреждения, указанного судебным органом [3].

Российский законодатель и судебная система эти рекомендации не оставили без внимания, в связи с чем все более широкое распространение в практике уголовного судопроизводства получает мера пресечения домашний арест (ст. 107 УПК РФ).

Домашний арест — мера пресечения относительно новая для российского уголовного процесса (действует с 2010 г.), хотя нельзя сказать, что она нечто новое и неизведанное в российском уголовном судопроизводстве. Определенный опыт применения домашнего ареста уже имел место в национальной уголовно-процессуальной практике: эта мера действовала с 1864 по 1903 год, а затем с 1922 по 1926 год. Ранее в дореволюционном законодательстве она предусматривалась Уставом уголовного судопроизводства (ст. 416 УУС) и допускала нахождение обвиняемого дома под охраной, разрешалось также ограничиться обязательством лица не покидать место жительства и при этом снималась охрана.

Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 года (ст. 160) и 1923 года (ст. 144, 157) предусматривали домашний арест, который состоял в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции на дому, с назначением стражи или без таковой.

Анализируя опыт других государств, следует отметить следующее. Так, например, во Франции лицу, подвергнутому домашнему аресту, разрешено ходить на работу, покидать место жительства и посещать друзей, общественно значимые социальные и культурные мероприятия. Однако в вечернее время и в воскресенье такой «арестант» должен находиться по месту своего жительства. Естественно, что такая мера пресечения обеспечена соответствующими техническими средствами.

В США же, наоборот, домашний арест предусматривает только постоянное нахождение по месту жительства. При этом категорически запрещается употребление алкоголя и наркотиков. Осуществляется также и контроль за пользованием Интернетом.

Домашний арест как мера пресечения предусмотрена в УПК Республики Казахстан, в УПК Республики Беларусь, в УПК Азербайджанской Республики. В других странах СНГ этой меры пресечения в уголовном судопроизводстве нет.

Сутью статьи 107 УПК РФ по замыслу законодателя является нахождение лица в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает на законном основании, возможно в

лечебном учреждении, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля.

Обратимся к вопросу об основаниях применения домашнего ареста. Цель законодателя — снизить количество обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах до приговора суда. Цель вполне гуманная и находится в русле парадигмы реформ уголовного судопроизводства. Однако что получилось в реальности.

По данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ за январь — декабрь 2018 года, количество преступлений экономической направленности составило 109 463, из них налоговых — 7 630, коррупционной направленности — 30 495 [4]. Именно по этой категории дел в соответствии с запретом части 1^й статьи 108 УПК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 48 не может быть применено заключение под стражу и как альтернатива применяется домашний арест [5].

Избирая данную меру пресечения, следователь (дознатель) должен удостовериться в том, что обвиняемый имеет постоянное место жительства, а также в возможности организовать постоянный надзор за лицом, подвергнутым домашнему аресту.

Гуманность этой меры определяется отсутствием полной изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества, ограничением небольшого объема прав, что вполне естественно могло бы соотноситься с тяжестью совершенного преступления и характеристикой личности обвиняемого.

Вместе с тем, возникает достаточно много проблем как нормативно неурегулированного, так и чисто организационного характера.

Основным условием избрания домашнего ареста является наличие постоянного места жительства — дома. С.И. Ожегов считал, что «дом» — это не только «жилое здание», но именно «свое жилье», а также «семья, люди, живущие вместе, их хозяйство» [6, с. 141]. Иначе говоря, между человеком и местом жительства должна существовать социальная связь, для того чтобы это место можно было назвать домом. Зачастую место жительства и место регистрации лиц в настоящее время не совпадают, что допускается современным российским законодательством [7; 8]. Разрешено проживать в жилом помещении без регистрации, если имеется место регистрации в том же субъекте Российской Федерации. Вместе с тем, согласно закону, судами отсутствие регистрации в Российской Федерации в принципе расценивается

только как доказательство отсутствия постоянного места жительства [2].

Реалии жизни таковы, что значительная часть населения использует съемное жилье по самым различным основаниям, в том числе и носящим объективный характер, поэтому проживает не по месту регистрации, имеет временную прописку или вообще имеет регистрацию в другом населенном пункте и даже регионе страны. Подобное положение может сохраняться на протяжении целого ряда лет.

Рассматривая обстоятельства, влияющие на выбор меры пресечения в виде домашнего ареста, следует отметить следующее. Прежде всего, мера пресечения должна обеспечивать доказывание по уголовному делу. Речь идет о собирании, проверке, оценке и представлении отдельных доказательств и системы доказательств в целом. Все эти элементы доказывания связаны с безусловной необходимостью личного присутствия и непосредственного участия обвиняемого в досудебном производстве. При этом презюмируется лояльное отношение лица к соблюдению как запретов, так и использованию только законных методов защиты от обвинения.

Однако государственные структуры в сфере правоохранительной деятельности таких гарантий дать не могут, несмотря на многообразие и совершенство предусмотренных современных средств персонального контроля, таких как: браслет электронный, стационарное контрольное устройство, мобильное контрольное устройство, ретранслятор, персональный трекер, устройство аудиовизуального контроля, а также связанные с ними серверы региональных информационных центров [9].

Современное развитие мобильной телефонной связи и сети «Интернет» не позволяет контролировать реальное исполнение судебных запретов, на что совершенно справедливо стали указывать практики буквально сразу после введения данного института мер пресечения [10, с. 42].

Так, например, далеко не во всех случаях присутствуют фактические и технические условия. Например, в жилом помещении технически невозможно установление средств, обеспечивающих фиксацию нарушений меры пресечения в абсолютно полном объеме и передачу информации об этом контролирующему органу; фиксацию повреждения или снятия устройства и сообщение об этом контролирующему органу; идентификацию и отслеживание местонахождения лица.

Здесь же может возникнуть и проблема правового характера, затрагивающая соблюдение гарантированных конституционных прав и свобод человека и гражданина. Собственник жилого помещения, где судом обвиняемому (подозреваемому) предписано находиться на домашнем аресте, вправе отказаться от установления указанных средств. Более того, вправе обжаловать такое решение. Таким образом, реализация избранной меры пресечения при данных обстоятельствах может оказаться невозможной. Следователь (дознатель) в этом случае будет вынужден искать иное решение проблемы.

Сама проверка возможностей реального соблюдения всех этих условий на практике, как правило, не проводится до принятия судом процессуального решения. Встречались случаи, когда уголовно-исполнительная инспекция прибывала установить соответствующее оборудование, а оказывалось, что это был адрес давно не существующего дома (сгоревшего или разрушенного). В этом случае выносится так называемое «корректирующее» судебное решение, но мера пресечения большей частью остается без изменения. Здесь — очевидное введение суда в заблуждение. Заинтересованное лицо не могло не знать, что адрес домашнего ареста не соответствует требованиям. К тому же, как справедливо указывала О.И. Цоколова, наряду с фактической и юридической сложностью процедур избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, существует невозможность нейтрализации противодействия доказыванию обвинения — нет полной изоляции обвиняемого [11, с. 16]. В целом достаточно серьезно говорить про какую-либо его изоляцию не следует. Обвиняемому (подозреваемому) разрешено ходить на работу, можно посещать общественные организации и тому подобное, находиться по месту жительства лишь определенное время, а не постоянно.

Известны случаи, когда обвиняемые используют возможности Интернета в определенных целях. Например, по электронной почте просят «нужных» людей спрятать или уничтожить улики, дать «правильные» показания, воздействовать на субъектов обвинения угрозами и т. д. Если обвиняемый проживает вместе с родственниками, запрет пользоваться средствами телекоммуникационной связи в принципе не имеет смысла. Точно подмечено, что у правоохранителей нет никаких законных способов для проверки, кто именно из членов семьи пишет в фейсбуке обвиняемого.

Поэтому не лишены основания высказывания о том, что такая мера пресечения в этой части — арест в «домашних тапочках» — теряет свое основное назначение [4]. Элементарная арифметика показывает, что домашний арест был применен лишь по 0,06% уголовных дел экономической направленности. Возникает вопрос о целесообразности вообще данного института в уголовном судопроизводстве, беря во внимание ряд моментов.

Во-первых, сама процедура получения судебной санкции полностью повторяет заключение под стражу, разговор о ее сложностях выходит за рамки темы. Более того, усложняется деятельность следователя необходимостью предоставления суду ряда документов: правоустанавливающие документы на жилище, договоры найма, документы временной регистрации, письменное согласие собственника жилья, согласие представителя лечебного учреждения на период нахождения в лечебном учреждении подозреваемого или обвиняемого, с подтверждением таких полномочий.

Во-вторых, как совершенно справедливо отмечает И.П. Пилюшин, следователь должен в закрепленной процессуальной форме: осмотреть жилище; допросить лиц, проживающих там; произвести выемку договора и сделать копию, сделать запросы для получения сведений о праве собственности. Кроме того, следователь должен направить в инспекцию справку по уголовному делу, копию паспорта подозреваемого. На все это потребуется дополнительное время [5].

В-третьих, сложившийся механизм контроля за поведением лица и реагирования на нарушения указанной меры пресечения довольно сложен и громоздок. В соответствии с Указом Президента РФ функция контроля за исполнением домашнего ареста возложена на Уголовно-исполнительные инспекции ФСИН [12]. Согласно регламентации по осуществлению контроля за лицами, находящимися под домашним арестом, сотрудники уголовно-исполнительной инспекции должны заполнить около трех десятков формализованных документов [13], а в случае выявления нарушений — еще дополнительно различные справки и рапорта.

В-четвертых, в литературе отмечается волокита в принятии решения и отсутствие единообразного реагирования сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции на нарушения домашнего ареста. Эффективность домашнего ареста предполагает адекватное его восприятие лицом, в отношении которого данная мера

пресечения избрана. Однако довольно часто обвиняемые (подозреваемые), ссылаясь на непонимание возложенных на них ограничений, допускают их нарушения под различными благовидными предлогами. Средства массовой информации переполнены возмущенными высказываниями граждан, наблюдающих свободное поведение лиц, имеющих публичную известность ввиду ранее занимаемых должностей и размеров похищенных средств.

Наконец, существует весьма бюрократический порядок реагирования уголовно-исполнительной инспекцией на нарушения режима домашнего ареста: 1) в течение 2 часов должно быть сделано устное уведомление следственного органа; 2) в течение 24 часов такое уведомление дается письменно; 3) затем должна быть произведена проверка сведений о нарушении, по результатам которой составляется заключение; 4) выносится представление об изменении меры пресечения на заключение под стражу. Если следователь не согласен с представлением инспекции, он не составляет никакого процессуального документа [14].

Последствия нарушений указанной меры пресечения должны приводить к заключению под стражу, однако суды крайне неохотно идут на это изменение даже в случаях грубых и вполне очевидных нарушений. Почувствовав безнаказанность своего поведения, обвиняемые фактически сводят эффективность данной меры пресечения до минимума.

В качестве передового опыта рассматривается то, что сотрудники инспекции проявляют «похвальную» инициативу: за четырехкратное отсутствие дома в ночное время обвиняемых привлекают к административной ответственности по части 1 статьи 19.3 КоАП РФ к административному аресту на 6 суток. Опыт, безусловно, интересный, но он лишь подтверждает вывод о слабости этой меры пресечения — домашнего ареста.

Сторонники гуманизации уголовного процесса в качестве положительного результата домашнего ареста приводят такой довод, что, помимо уменьшения контингента следственных изоляторов, это приведет также к экономии государственных средств [15]. Однако цифры пока свидетельствуют об обратном. Закупка 4 тыс. комплектов электронных браслетов и стационарных контрольных устройств (СКУ) потребует более 200 млн рублей из федерального бюджета [16]. Для применения к обвиняемому электронного браслета необходимо заключение «независимых» врачей об отсутствии у него про-

тивопоказаний, на чем настаивают защитники, ссылаясь на постановление Правительства РФ от 14 января 2011 года № 3 [17]. Принимая во внимание количество лиц под домашним арестом и выделяемые на обеспечение этой меры средства, говорить о финансовой экономии представляется преждевременным.

Примечания

1. Статистика судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=7> (дата обращения: 16.10.2019).

2. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2019).

3. Дело «Ананьев и другие против России» (жалобы № 42525/07 и 60800/08): постановление Европейского суда по правам человека от 10 января 2012 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2019).

4. URL: <https://maksimovka.ru/skolko-vikhodit-domashniy-arrest> (дата обращения: 23.10.2019).

5. Пилушин И.П. Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-domashnego-arresta-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 23.10.2019).

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.

7. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (ред. от 01.04.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2019).

8. Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 (с изм. и доп.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2019).

9. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пре-

сечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 (с изм. и доп.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.10.2019).

10. Чернышова Д.В. Контроль Уголовно-исполнительных инспекций за подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста: проблемы и пути их решения // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1. С. 41—42.

11. Цоколова О.И. Домашний арест в интересах стороны защиты // Актуальные проблемы соблюдения прав личности в правоохранительной деятельности органов внутренних дел: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 2011.

12. О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314: указ Президента РФ от 30 марта 2012 г. № 351 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 14, ст. 1615.

13. Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: приказ Министерства юстиции России, МВД России, СК России, ФСБ России, ФСКН России от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniust-rossii-n-26-mvd-rossii/> (дата обращения: 23.10.2019).

14. Малышева О.А. Негативные последствия действия правового механизма избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 215—221.

15. Антонов И.А., Берзинь О.А., Каширин Р.М. К вопросу об исполнении меры пресечения «домашний арест» в условиях несовершенства уголовно-процессуального законодательства // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 2. С. 25—28.

16. URL: https://life.ru/t/%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/1033458/fsin_nie_khvataiet_eliektronnykh_braslietov_dlia_ariestantov (дата обращения: 07.11.2019).

17. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: постановление Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2019).

References

1. Statistics of the judicial department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=7> (accessed 16.10.2019). (In Russ.)

2. On the practice of application by the courts of legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and pledge: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 no. 41. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 16.10.2019). (In Russ.)

3. The case of Ananyev and Others v. Russia (complaints no. 42525/07 and 60800/08): judgment of the European Court of Human Rights of January 10, 2012. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 16.10.2019). (In Russ.)

4. URL: <https://maksimovka.ru/skolko-vikhodit-domashniy-arrest> (accessed 23.10.2019). (In Russ.)

5. Pilyushin I.P. The effectiveness of house arrest in criminal proceedings. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-domashnego-aresta-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (accessed 23.10.2019). (In Russ.)

6. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, 1987. (In Russ.)

7. On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement, choice of place of residence and residence within the Russian Federation: law of the Russian Federation dated June 25, 1993 no. 5242-1 (as amended on April 01, 2019). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 21.10.2019). (In Russ.)

8. On approval of the Rules of registration and deregistration of citizens of the Russian Federation from the place of residence and place of residence within the Russian Federation and the list of persons responsible for receiving and transferring documents to the registration authorities for registration and deregistration of citizens of the Russian Federation according to the place of stay and place of residence within the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation of July 17, 1995 no. 713 (with amendments and additions). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 21.10.2019). (In Russ.)

9. On the procedure for using audiovisual, electronic and other technical means of control that can be used to monitor the suspect or the accused being in the place of execution of the preventive measure in the form of house arrest, as well as the observance of the bans imposed by the court on the suspect or the accused, in respect of which in the form of a preventive measure, the prohibition of certain actions, house arrest or pledge was elected: decree of the Government of the Russian Federation of February 18, 2013 no. 134 (with amendments and additions). Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 23.10.2019). (In Russ.)

10. Chernyshova D.V. Control of the criminal executive inspections of suspects or accused, in respect of which the court chose a preventive measure in the form of house arrest: problems and solutions. *Criminal Executive Law*, 2013, no. 1, pp. 41—42. (In Russ.)

11. Tsokolova O.I. House arrest in the interests of the defense. *Actual problems of observing individual rights in the law enforcement activities of the internal affairs bodies: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Khabarovsk, 2011. (In Russ.)

12. On amendments to the Regulation on the Federal Penitentiary Service, approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 no. 1314: decree of the President of the Russian Federation of March 30, 2012 no. 351. *Collection of legislative acts of the RF*, 2012, no. 14, art. 1615. (In Russ.)

13. On approval of the Procedure for monitoring the location of suspects or accused in the place of execution of the preventive measure in the form of house arrest and their compliance with the prohibitions and (or) restrictions imposed by the court: order of the Ministry of Justice of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the IC of Russia, the FSB of Russia, the Federal Security Service of Russia dated February 11, 2016 no. 26/67/13/105/56. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rossii-n-26-mvd-rossii/> (accessed 23.10.2019). (In Russ.)

14. Malysheva O.A. Negative consequences of the legal mechanism for the election and execution of pre-

ventive measures in the form of house arrest. *Bulletin of Tomsk State University*, 2018, no. 427, pp. 215—221. (In Russ.)

15. Antonov I.A., Berzin O.A., Kashirin R.M. To the question of the implementation of the preventive measure “house arrest” in the face of imperfection of the criminal procedure legislation. *Problems of law enforcement*, 2017, no. 2, pp. 25—28. (In Russ.)

16. URL: https://life.ru/t/%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/1033458/fsin_nie_khvataiet_eliektronnykh_braslietov_dlia_aries-tantov (accessed 07.11.2019). (In Russ.)

17. On the medical examination of suspected or accused of committing crimes: decree of the Government of the Russian Federation of January 14, 2011 no. 3. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (accessed 21.10.2019). (In Russ.)